

31. Propozytzii shchodo vdoskonalennia ukrainskoi naukovo-tekhnichnoi terminolohii. Dodatok do Ukhvaly pershoi Mizhnar. nauk. konf. «Problemy ukrainskoi naukovo-tekhnichnoi terminolohii» (1992). *Naukovo-tekhnicne slovo*, 1(2), 12–16 (in Ukr.).
32. Rudnycky, J. & Cerkevych, K. (1979). *Spelling dictionary of the Ukrainian language*. New York; Montreal: Research Society of Ukrainian Terminology (in Ukr.).
33. Selihei, P.O. (2014). *Etymolohichniy slovnyk zapozychenykh sufiksiv i sufiksoidiv v ukrainskii movi*. Kyiv: Akadempriodyka (in Ukr.).
34. Shherbatjuk, G.H. (1974). *Obshhekornevye imena prilagatel'nye v sovremennom ukrainskom literaturnom jazyke* [Synopsis of PhD thesis]. O.O. Potebnia Institute of Linguistics (in Russ.).
35. Sikorska, Z.S. (1995). *Ukrainsko-rosiiskyi slovotvorchyi slovnyk*. Kyiv: Osvita.
36. SUM20 (n.d.). *Slovnyk ukrainskoi movy online* (V. 1–11). Retrieved from <https://services.ulif.org.ua/expl/Entry/index?wordid=1&page=0>.
37. *Ukrainskyi pravopys* (2019). Kyiv: Nauk. dumka (in Ukr.).
38. Vasetska, O.I. (2018). *Formalna ta semantychna variatyvnist syntaksychnykh terminiv* [Unpublished PhD thesis]. Institute of the Ukrainian Language of NAS of Ukraine (in Ukr.).
39. Yefremov, S. (Head ed.) (2017). *Rosiisko-ukrainskyi slovnyk* (V. 3: O–P, 2. Pole-Piachenyne). Kyiv: Vydavnychi dim Dmytra Buraho (Reprint from ed. 1928) (in Russ./Ukr.).
40. Zahnitko, A. (2011). Chastky v systemi sluzhbovykh chastyn movy: typolohiinyi i leksykohrafichni vyjavy. *Linhvistychni studii*, 22, 104–115 (in Ukr.).
41. Zahnitko, A. (2019). Novitni protsesy v suchasnomu obiektyvnomu syntaksysi: typolohiia i funktsii. In *U vymirakh slova: zb. nauk. prats na poshanu profesora Iryny Kochan* (pp. 77–89). Lviv: Ivan Franko National University of Lviv (in Ukr.).

УДК 811'161.2+81'373:001.4

С.В. ГРИНЕВ-ГРИНЕВИЧ

г. Сувалки, Польша

Э.А. СОРОКИНА

г. Москва, Россия

О ПРОБЛЕМАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются основные проблемные вопросы современного терминоведения. Отмечается, что по причине разных процессов, происходящих в мире (социальные, политические, информационные, экономические, межкультурные, миграционные и т.д.) количество качественной литературы по терминоведению в последнее время резко сократилось, а методическое руководство исследованиями отсутствует. Авторами предлагаются направления, которые могут быть перспективными как в типологическом изучении частных (национальных, отраслевых, частноотраслевых) терминологий, так и в проведении сопоставительных, междисциплинарных, разноязычных исследований терминосистем.

Ключевые слова: термин, терминоведение, типологическое терминоведение, сопоставительное терминоведение, перспективы развития терминоведения.

© С.В. ГРИНЕВ-ГРИНЕВИЧ, 2021

ПРО ПРОБЛЕМАТИКУ СУЧАСНОГО ТЕРМІНОЗНАВСТВА

У статті розглянуто основні проблемні питання сучасного термінознавства. Відзначено, що через різні процеси, що відбуваються у світі (соціальні, політичні, інформаційні, економічні, міжкультурні, міграційні тощо) кількість якісної літератури з термінознавства останнім часом відчутно зменшилася, а методичне керівництво дослідженнями відсутнє. Запропоновано напрями, які можуть бути перспективними і в типологічному вивченні окремих (національних, галузевих, вузькогалузевих) термінологій, і в проведенні порівняльних, міждисциплінарних, різномовних досліджень терміносистем.

К л ю ч о в і с л о в а: термін, термінознавство, типологічне термінознавство, порівняльне термінознавство, перспективи розвитку термінознавства.

Характер современных российских терминологических исследований определяется изменением общественных условий за последние тридцать лет. С сожалением приходится признать, что в конце XX века многие терминологические центры (в том числе Комитет научно-технической терминологии Академии наук, терминологические отделы ВНИИКИ и Главная терминологическая комиссия Госстандарта, Главная терминологическая комиссия и Научно-исследовательская лаборатория медицинской терминологии Академии медицинских наук, уникальный Омский терминологический центр, терминологические продолжающиеся издания) прекратили свое существование.

С начала нашего века централизованное руководство национальной терминологической деятельностью было ликвидировано или передано в руки некомпетентных чиновников. Значительно уменьшилось число проводимых терминологических конференций. В связи с этим резко снизились возможности обмена опытом исследований и методического руководства работой разрозненных исследователей.

С отсутствием заинтересованности государственных органов исчезли возможности широкомасштабных действий по сбору, описанию и упорядочению специальной лексики и координации терминологической деятельности в стране. При этом, в связи с появлением новых наук и научных дисциплин, продолжается стихийный, нерегулируемый рост специальной лексики.

Существенно снизилось качество терминологических исследований. Нами уже отмечалось, что анализ содержания ряда российских терминологических публикаций за последние годы показывает, что основными объектами дискуссий являются общие достаточно тривиальные темы, такие, например, как статус и признаки термина (в полной мере обсужденная и закрытая в 1960–80-е годы); различие между *понятием* и *концептом* (уже установленное в рамках когнитивного терминоведения в начале этого века); варьирование формы и содержания терминов (факт, уже достаточно хорошо известный в отечественном терминоведении) и т. п. (Гринев-Гриневиц & Сорокина, 2018). Это состояние характеризует не только российское терминоведение, но и всю русскоязычную терминологическую литературу.

С общим падением числа терминологических публикаций особенно заметно отсутствие в последнее десятилетие общих терминологических работ, что может объясняться рядом причин: в связи с окончанием формирования терминоведения как самостоятельной научной дисциплины в период 1990–2010 годов был выпущен ряд учебников и обобщающих работ, которые исчерпывающим образом представили основные черты и проблематику терминоведения; начиная

с конца 1980-х годов в терминоведении стал выделяться ряд самостоятельных направлений, которые в дальнейшем оформились в самостоятельные терминоведческие дисциплины; ушли из жизни авторы известных учебников и общих монографий (А.С. Герд, В.П. Даниленко, В.М. Лейчик, Г.П. Мельников, Л.А. Морозова, В.Н. Прохорова, А.В. Суперанская, Л.Б. Ткачева), отошли от терминологической деятельности С.Г. Казарина и В.А. Татаринцев.

Вместе с тем в публикуемых статьях можно заметить недостатки, отражающие недостаточное знание истории терминоведения и понимание степени актуальности цитируемых работ, не всегда верная оценка актуальности обсуждаемых проблем, а иногда незнание основных теоретических работ.

Одной из распространенных ошибок является представление давно написанных работ в качестве современных. Для иллюстрации этого приведем цитату «*В настоящее время* (выд. авт. – С.Г., Э.С.) *данное мнение* [мнение Г.О. Винокура о том, что термины – это только слова в особой функции] *разделяет большинство отечественных лингвистов* (Р.А. Будагов, Г.О. Винокур, Б.Н. Головин, Н.П. Кузьмин)» (Таранова, 2011: 143).

Напрашивается вопрос: о каком настоящем времени может идти речь, если работа Г.О. Винокура вышла в свет в 1939 году, работы Р.А. Будагова и Н.П. Кузьмина в 1960-е годы, а книга Б.Н. Головина – в 1987 году?

Заметим, что проблема соотношения *термина* и *обычного слова* активно обсуждалась в 60-е годы прошлого века и в 1970-е была удовлетворительно решена, как должно быть хорошо известно автору, судя по списку литературы.

Аналогичную ошибку делают и авторы другой статьи, также посвященной определению термина и также представляя эту проблему как современную: «*Многочисленные споры вызывает также и проблема определения места терминологии в составе языка*» и представляют оппонентов Винокура – «*сторонников нормативного подхода*» (Д.С. Лотте, Л.А. Капанадзе, Н.З. Котелова, Е.Н. Толикина, А.В. Косов и др.), работы которых также опубликованы в 1960-е годы (Лантюхова, Загоровская & Литвинова, 2013: 42). В этой статье, как считают авторы, «*определено место терминов в лексической системе языка и соотношение термина и общеупотребительного слова*», однако эта проблема, как нам представляется, через сорок лет после ее решения уже не должна беспокоить терминоведов.

Говоря об актуальности и важности публикаций, мы не считаем формальную дату публикации свидетельством ее актуальности по ряду причин.

Во-первых, год публикации зачастую оказывается ложно ориентирующим показателем. Для терминоведения работы Д.С. Лотте 1930-х годов или статья Г.О. Винокура 1939 года до сих пор не утратили своей актуальности, в то время как ряд злободневных для 1960-х годов полемических публикаций после установления основных положений теории в 1980–90-х годах полностью утратили значение и могут быть интересны только для истории формирования терминоведения.

На наш взгляд, безразборчивое смешивание работ, принадлежащих к разным периодам в формировании терминоведения, не позволяет задуматься о том, насколько можно доверять старым утверждениям, сделанным в совершенно иных условиях.

Во-вторых, существующая политика не всегда продуманного переиздания старых публикаций, производит, особенно на начинающих исследователей,

впечатление современности давно написанных работ. В результате старые положения, вполне основательные для своего времени, но сейчас не актуальные, воспринимаются как современность, что может дезориентировать начинающих исследователей.

В-третьих, формальное требование обязательных ссылок на публикации последних пяти лет не всегда выполнимо – работы этого времени могут носить случайный, незначительный характер или по данной тематике за этот период работы вообще отсутствуют.

Отдельной проблемой является определение термина. В некоторых публикациях просматривается настойчивое стремление подвергнуть сомнению общепринятое понимание этого основного понятия терминоведения. При этом используются два подхода – ссылка на множественность существующих определений термина и, ставший в последнее время модным – подчеркивание многоаспектности существа термина, причем некоторые суждения бывают достаточно категоричными: «...неоднократные попытки лингвистов сформулировать удовлетворяющее всех определение понятия «термин» оказались малопродуктивными, очевидно, вследствие многогранности этого феномена» (Мякшин, 2009: 109).

Рассмотрим эти подходы. Достаточно часто при утверждении о множественности определений термина ссылаются на работы В.П. Даниленко и Б.Н. Головина (1987). Подчеркнем, очевидным является факт того, что большинство этих определений было дано задолго до формирования общей теории терминоведения, сложившейся лишь в конце 1980-х годов. А особенный разброс мнений о статусе термина был в 50–60-е годы, когда решалась проблема выделения подлежащих исследованию единиц, что вполне естественно для складывающейся науки, однако утрата актуальности большинства таких мнений затушевывается.

В одной из статей, специально посвященной проблеме определения термина, автор совершает неожиданные повороты мысли, начиная от невозможности сформулировать удовлетворительное определение из-за многогранности феномена. Через шесть абзацев он пишет о том, что *«Полемика о сущности и статусе термина начала утрачивать свою былую остроту, когда все большее распространение приобрела точка зрения, согласно которой термин – это слово или словосочетание, номинирующее понятие определённой области познания или деятельности»* – со ссылкой на ведущих терминоведов – Даниленко, 1972; Головин, 1980; Суперанская, 1989; Гринев, 1993; Лейчик, 1994; Володина, 1996; Алексеева, 1998 (Мякшин, 2009: 110). Можно добавить, что при этом большое число формулировок «не препятствовало единству понимания понятия “термин”» (Шелов, 1982: 1).

Казалось бы, вопрос решен, но еще через пять абзацев автор делает неожиданный вывод: *«Итак, до настоящего времени не существует единой точки зрения по поводу самой сущности понятия “термин”, и, как следствие, отсутствует признаваемая большинством лингвистом дефиниция этого понятия»*.

На это можно возразить, что, если бы не было единого понимания, невозможно было бы выделение других единиц специальной лексики путем сопоставления их основных свойств со свойствами термина. Невозможно было бы выделить и разновидности терминов и создать их типологии, представленные

в ряде учебников и монографий. Да и самих учебников и стандартизованных методик упорядочивания терминов не было бы без согласия в понимании основного исходного понятия терминоведения.

Впрочем, автор заканчивает бравурно – «Обобщая наиболее конструктивные идеи отечественных и зарубежных лингвистов [по которым нет единой точки зрения?], мы предлагаем свое “рабочее” определение понятия “термин”» (Мякшин, 2009: 110).

Эта точка зрения предлагается и другими авторами: «...неоднократные попытки сформулировать удовлетворяющее всех определение понятия «термин» оказались малопродуктивными «вследствие многогранности этого феномена», – пишет Е.Н. Таранова (Таранова, 2013: 142), цитируя Л.В. Ивину (Ивина, 2003). В других работах встречаются просто категорические суждения о том, что «термин нельзя определить из-за его многоаспектности» и т. д.

Вызывает беспокойство игнорирование факта установленности наиболее общих положений терминоведения и, казалось бы, общепринятого понимания его основных понятий. После 1990-х годов, когда в учебниках по общему терминоведению и ряде учебников и монографий по терминоведческим дисциплинам были подведены итоги становления терминоведения и сформулированы его основные положения, всем, работающим в данной области деятельности, должно быть понятно, что существуют общепринятые основания терминоведения.

В предисловии к нашему «Введению в терминоведение» в качестве первой задачи издания указано «...изложить теоретические положения современного терминоведения, которые можно считать принятыми большинством ведущих специалистов, а также те проблемы, которые можно считать решенными. Это делается для того, чтобы не возвращаться к их решению, а использовать их как прочную основу для дальнейших исследований, направленных на развитие и уточнение существующей теории, поиска взаимосвязей и законов развития специальной лексики» (Гринев, 1993: 4). Жаль, что авторы приведенных выше статей не обратили на это внимания.

Чтобы разъяснить нашу точку зрения на попытки бесконечного и малопродуктивного повторного исследования уже изученных проблем, приведем нашу оценку ситуации в современных терминоведческих исследованиях.

В теории познания выделяются матричные и натуральные понятия. Согласно теории Й. Тшебиньского, матричное понятие – это понятие с четкими границами и конечным набором признаков, присущих в одинаковой степени всем десигнатам (этого понятия и только им), а натуральное понятие – это понятие, состоящее из конечного набора признаков, присущих «образцовому десигнату» и составляющих ядро понятия, и пластичной области подобия этим признакам, составляющей понятийный фон. Десигнатами натуральных понятий являются объекты, признаки которых умещаются в области подобия. Матричные понятия образуют упорядоченные понятийные системы, но не обладают возможностями развития. Развитие знаний происходит путем стабилизации натуральных понятий и перехода их в матричные понятия, которые образуют понятийные системы и служат основой для дальнейшего развития натуральных понятий на границах понятийных систем (Trzebinski, 1981; цит. по: Gaida, 1990).

Закрепление границ наиболее стабилизировавшихся натуральных понятий и трансформация их в матричные понятия при построении терминосистем дает возможность установить единообразное понимание наиболее устоявшихся понятий и терминов в качестве теории науки и прекратить полемику по поводу их сущности и осуществить дальнейшее развитие науки при переключении внимания исследователей на перспективные направления исследований на границах установленной теории.

Для определения перспективных направлений исследований следует установить перечень матричных понятий, как прочное основание для дальнейших исследований, что сделает выбор направлений исследования и поиск новых направлений исследования простым и понятным.

Игра с принятием и непринятием давно установленного статуса термина напоминает хождение по кругу или попытки превратиться в добровольных сизифов. Любое необоснованное и непродуманное подвержение сомнению общепринятых понятий, за которым иногда не стоит определенная цель, кроме демонстрации оригинальности суждений, приводит к тому, что путешествие за новыми знаниями заканчивается, не успев начаться.

В наше время малопродуктивные попытки изобрести деревянный велосипед, в то время, как существуют указанные во многих работах перспективные направления терминологических исследований, по которым мало или совсем нет работ, не вызывают ничего, кроме раздражения.

К недостаткам современных терминологических публикаций можно отнести и случаи, когда в работе известная цитата приписывается другому, малоизвестному автору, который эту цитату взял у известного ученого. Такие случаи свидетельствуют о том, что автор не знаком с основной литературой и не имеет достаточно твердых знаний в избранной области исследований. Причиной могут быть проблемы с тем, чтобы достать основополагающую литературу по терминоведению, поскольку, как указывалось выше, в последнее десятилетие не было общих терминологических работ. Однако это не должно быть препятствием: если трудно достать книги, в особенности малотиражные и распроданные издания, то теперь есть такое спасительное средство, как интернет, пользуясь которым можно не только читать, но и скачать почти любую специальную литературу. При этом многие авторы не имеют ничего против скачивания их книг, поскольку можно считать, что каждое скачивание – признание авторитетности и популярности автора.

Иногда встречаются ситуации, когда достаточно большой объем статьи занимает цитирование, не всегда со ссылками на автора. Полагаем, что большинство авторов ничего не имеют против копирования больших фрагментов их своих текстов, при условии, что есть соответствующая ссылка. Между тем, встречаются статьи, где свыше 50% текста взято у других авторов, зачастую без указания на цитирование.

Трудно согласиться с тем, что формальный подход к плагиату – процентное определение – является действенным средством. Наблюдавшаяся в 1970–80-е годы однотипность построения многочисленных работ, посвященных структурно-семантическому описанию национальных отраслевых терминологий, вплоть до использования стандартных фраз и однотипных формулировок при формальном подходе, должна восприниматься как плагиат, тогда как она необходима для сопоставительных и обобщающих работ. В антропологической лингвистике

за прошедшие 15 лет на десятках однотипных магистерских исследований выработаны оптимальные методы описания и анализа лексики и используются типовые приемы и композиции работ и даже стандартные фразы, что удобно для сопоставления получаемых результатов.

Попытки внедрения в современную науку ряда формальных методов определения научной ценности публикаций (обязательное наличие определенного процента ссылок на публикации последних пяти лет; процентные методы определения плагиата; принудительная публикация в ограниченном числе элитарных изданий) не способствуют повышению существенных характеристик науки.

В некоторых современных терминологических публикациях встречаются неправомерные утверждения, что лингвисты не должны заниматься содержательной стороной терминологий. В период 1970–80-х годов, когда многие лингвисты были вовлечены в работу по упорядочиванию отраслевых терминологий и созданию различных типов словарей специальной лексики, многие из них, по нашему опыту, имели достаточно полное представление о той предметной области, в которой они работали, и могли рассуждать о ней на равных с предметниками (авторам удалось, например, создать классификацию терминов дерматологии, что не удалось сделать профессору Н.Д. Шеклакову и академику АМН СССР Н.А. Краевскому).

Следует отметить и некоторые положительные факторы современного состояния терминологической деятельности в России – возможности компьютеризации теоретической и практической деятельности; появление новых методов исследования специальной лексики; формирование методологии конструирования и проектирования развития специальной лексики; появление новых перспективных направлений терминологических исследований.

Компьютеризация существенно облегчает создание и ведение словарей, поиск и обмен специальной информацией благодаря интернету, дает возможности количественного определения реального функционирования терминов и т.д. Одним из следствий компьютеризации явилось ускорение формирования в конце прошлого века принципов терминографии в связи с необходимостью разработки лексических банков данных.

Поскольку, несмотря на неблагоприятные условия (отсутствие единого центра методического руководства, введение все новых формальных ограничений на проведение и защиту диссертационных исследований) терминологическая работа все-таки не прекращается (в основном силами энтузиастов), существует необходимость в определении перспективных направлений терминологических исследований. Авторы возвращались к вопросу определения перспективных направлений терминологических исследований в ряде публикаций (Гринев-Гриневиц, 2006; 2012; Гринев-Гриневиц & Сорокина, 2018; 2021).

К перспективным направлениям терминологических исследований, по нашему мнению, прежде всего следует отнести сопоставительные, диахронические и типологические изыскания, хотя число их этим не ограничивается.

Значение **сопоставительного направления** определяется его ролью в терминологическом переводе, объемы которого постоянно растут вследствие глобализации, а также необходимостью гармонизации национальных терминологий.

Здесь необходимо обратить внимание на чрезвычайно слабо изученный семантический уровень сопоставления лексики с применением системного подхода. Имеется в виду систематизация и классификация отечественной и, в первую очередь, английской терминологии определенной области знания с последующим сопоставлением систем терминов, установлением наиболее полной эквивалентности и последующим исключением избыточных вариантов перевода терминов. На наш взгляд, результаты подобного сопоставления должны повысить качество существующих переводных словарей и будут способствовать совершенствованию машинного перевода.

Если при упорядочении национальной терминологии важную роль играет комплексная унификация, то глобализация мирового пространства выводит на первый план проблему гармонизации национальных терминологий, в первую очередь понимаемую как задачу привязать национальные терминологии к английскому языку как наиболее распространенному рабочему языку международных организаций, а затем и к другим языкам межнационального общения.

Гармонизация национальных терминологий – в первую очередь родственных языков – является предварительным условием планомерного содружественного развития терминологий. Результатом такой гармонизации может быть взаимообогащение национальных терминологий при сознательном взаимном заимствовании терминов для заполнения лексических лакун, обнаруживаемых при сопоставлении национальных терминосистем.

Разработка принципов гармонизации национальных терминологий и практические шаги по поддержанию их эквивалентности являются важными предпосылками облегчения международного общения специалистов в их профессиональной коммуникации.

Существенной частью гармонизации национальных терминологий должна стать планомерная интернационализация терминов, то есть согласование значений формально подобных терминов различных языков для установления их полного соответствия.

Актуальность и важность *диахронических исследований* определяется возможностью выявления языковых особенностей развития как терминологий отдельных языков и областей знания, так и общих особенностей формирования и развития терминологий. К *диахроническому направлению*, по нашему мнению, относятся традиционное *историческое терминоведение*, а также недавно сформировавшиеся *антропологистика* и *когнитивное терминоведение*.

Историческое терминоведение изучает историю терминологий для того, чтобы вскрыть тенденции их образования и развития и с их учетом дать правильные рекомендации по их упорядочению. С помощью применяемых в историческом терминоведении диахронических исследований, в том числе с привлечением данных смежных с лингвистикой наук (антропологии, этнографии, истории науки и техники, всеобщей истории), можно установить особенности зарождения и развития терминологий (в особенности – старых, имеющих длительную историю своего формирования), поскольку молодые и складывающиеся в настоящее время терминологии будут во многом повторять основные этапы их развития, а также выявить общие тенденции развития терминологий и факторы, определяющие это развитие.

Упорядочение терминологий должно основываться на понимании и учете терминологических явлений, а для этого необходимо иметь твердое представление о наиболее общих законах исторического развития терминологий. Выявление и анализ этих законов должны явиться важной задачей терминоведения, поскольку без этого ему грозит опасность превратиться в чисто описательную науку, фиксирующую отдельные этапы развития различных пластов специальной лексики, и неспособную дать специалистам-предметникам представление о сущности терминологических процессов с прогнозированием их возможных результатов.

Сложность формулирования законов развития терминологий обусловлена тем, что в области языка многие законы реализуются в виде тенденций и закономерностей и недоступны поверхностному взгляду. Тем не менее, даже предварительный анализ показывает, что развитие терминологий происходит под влиянием различных факторов. Описание таких факторов было начато в 1980-е годы и позволило установить ряд лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на эволюцию терминологий, но, к сожалению, с тех пор не было попыток продолжить и развить работы в этом направлении.

Антропологические исследования, несмотря на короткий период существования этой дисциплины, привнесли новое понимание общего процесса развития терминологий и роли в нем отдельных видов специальной лексики; позволили установить новый класс специальной лексики – прототермины, являющиеся связующим звеном между терминами и общеупотребительной лексикой, и выраженные профессиональной лексикой.

Эти исследования позволили также заполнить разрыв между *словом* и *термином*, поскольку старые терминологии начинаются с обычной лексики, и найти области общих интересов терминоведения и лексикологии. Попытки интерпретации исторических изменений терминологий позволили в последнее время сделать ряд интересных наблюдений.

Так, например, в исследовании Алиции Венсерской-Квечень (Węsierska-Kwiesień, 2019), посвященном развитию семантического поля “Work” (труд), было установлено, что даже хронологический перечень различных наименований данного понятия может дать представление об эволюции его содержания и историческом развитии соответствующей предметной области. Само слово *work* имеет протогерманское происхождение и изначально имело ряд значений, лишь одним из которых было *работа* (труд, деятельность, действие). С этим значением оно было впервые зафиксировано в древнеанглийском языке в 825 году.

В XIV веке из французского языка было заимствовано 5 синонимов, часть из которых (*task, service, occupation, service*) уже имела дополнительные акценты – *задание, обслуживание, трудовая занятость, обязанность*, что свидетельствует об осознании многоаспектности изучаемого понятия и начале формирования семантической микросистемы.

Позднейшие синонимы отражают изменения жизненных условий – растущую роль купечества: *business – занятость*, впоследствии *дело, бизнес*, появление в XVI веке в Англии крупных добывающих предприятий и увеличение числа наемных работников, выполнявших тяжелую, однообразную работу: *drudgery – нудная, тяжелая работа*, рост вопросов религии в жизни Англии:

calling – *призвание*, vocation – *призвание Богом*, впоследствии *профессия*, формирование с конца века сословия служащих: profession – *профессия*, employment – *трудоустройство*, commission – *поручение обязанностей*; job – *работа*, затем *одноразовая работа* и *место работы*.

С дальнейшим ростом в XIX веке класса служащих и уточнением представлений о характере их работы появлялись новые синонимы слову *работа* со специализированным значением: career – *карьера*, situation – *пост*; assignment – *назначение на пост*; position – *должность*.

Большая часть перечисленных лексем вошла в данное поле как альтернативные наименования данного понятия (современные полные синонимы) с дальнейшей специализацией, отражающей направления развития разновидностей *работы* (Węsierska-Kwiecień, 2019).

В исследовании Катажины Витковской (Witkowska, 2019), посвященном истории формирования понятия «sensitive (чувствительный)» в английской ментальности, сопоставление толкований слова sensitive в английских словарях и словарных толкований ряда его славянских эквивалентов (польский – *wrażliwy*, русский – *чувствительный*, словацкий – *citlivý*) показало, что в значении английского слова доминируют негативные коннотации (чувствительный к враждебным воздействиям), тогда как в славянских эквивалентах сбалансированы как негативные, так и позитивные коннотации. Значение английского слова ориентировано на постоянную неблагоприятную обстановку и ожидание враждебных действий с ксенофобией и готовностью к агрессивному ответу как неотъемлемой черте характера. Это может свидетельствовать о различиях в культурных установках германской и славянских ментальностей (Witkowska, 2019).

Антропологическое направление исследований позволило не только вскрыть связь между определенными типами лексики и этапами эволюции человеческого сознания, но и выявить роль основных семантических явлений в развитии познания, системы человеческих знаний и отражающего ее словаря, что связывает антропологистику с семантическим терминоведением.

Поскольку познание является процессом, в последнее десятилетие когнитивное терминоведение стало принимать во внимание историю развития терминов и понятий. Поэтому основное различие между антропологическим и когнитивным подходами лежит в области объекта исследования: в то время как первый заинтересован в наиболее общих исторических изменениях специальной лексики, отражающих эволюцию человеческого разума, последний сосредоточен на национальных и культурных особенностях специальных лексических единиц отдельных языков, отражающих развитие национальных ментальностей. В обоих случаях, особенно в последнее время, в исследованиях используется метод семантического поля.

В современном языкознании под *семантическим полем* часто понимают совокупность связанных по смыслу слов, что восходит к первому употреблению в 1924 году термина «поле» Г. Ипсеном, который определяет его содержание как «совокупность слов, обладающих общим значением» (Ipsen, 1924: 225) или область действительности, предметную область.

Некоторые исследователи понимают под этим группы взаимосвязанных значений, часть действительности, выделенную в человеческом опыте, или совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство.

По нашему мнению, семантическое поле нельзя идентифицировать ни с лексическим, ни с предметным, поскольку оно принадлежит сознанию человека, а не внешнему миру или лексике языка. Мысленный образ мира человека состоит из семантических полей, отражающих участки реальной действительности – онтологические поля (предметные области, области знания) и выраженных в лексических полях различных языков.

Семантическое поле не зависит от национальных лексических систем языков – лексическое наполнение поля, количество соотносимых с полем лексем в каждом языке носит индивидуальный характер.

Как правило, между лексическими системами даже наиболее близкородственных языков наблюдаются существенные различия, обусловленные особенностями национальной культуры. Эти различия влияют на национальный характер восприятия окружающего мира, однако общечеловеческое семантическое поле остается неизменным.

На наш взгляд, весьма перспективным видом исследования национальных частных лексических систем является анализ формирования национальных терминологий, в истории которых представлены различные типы лексики – общеупотребительной, ремесленной и научной, отражающие разные уровни развития сознания.

К сожалению, все еще наблюдается значительное отставание в области *типологических исследований* специальной лексики. С конца прошлого века за исключением монографии Л.В. Ивиной почти нет работ этого направления, хотя методы типологического исследования представлены в ряде публикаций 1990-х годов. Такие исследования необходимы для того, чтобы знать особенности терминологии конкретных областей знания и специфику реализации в них общих терминологических свойств. Это дает представление о реально достижимом уровне упорядочения терминов различных областей знания, что чрезвычайно важно для наиболее эффективной организации практической терминологической работы.

Одним из перспективных направлений типологических исследований является типология специальных лексем. В настоящее время кажется вполне очевидным дальнейшее изучение терминоведением не только терминов, но и этих единиц (прежде всего прототерминов, номенов и предтерминов, а также терминоэлементов) на основе уже выделенных для терминов характеристик (сейчас известно свыше 200 таких выделенных нами характеристик, составляющих свойства термина).

В области *семантического терминоведения* представляется актуальным дальнейшее исследование различных типов синонимии, а также многозначности специальных лексем в рамках терминологии и за ее пределами, тенденций развития многозначности в области специальной лексики. На фоне развития исследований роли синонимии в познании становится актуальным изучение ранее не исследованной роли антонимии в развитии познания. Необходимо и дальнейшее изучение сложной динамики различных семантических отношений в ходе эволюции специальной лексики и сознания человека.

Ономасиологическое терминоведение должно продолжить изучение наиболее продуктивных моделей образования терминов в различных областях знания с выделением наиболее эффективных моделей и разработкой правил конструирования как терминов, так и терминосистем.

Описание терминологий. К сожалению, если учитывать выдвигаемое в науковедении положение о кардинальных изменениях в науках, происходящих в среднем каждые 25 лет, большинство исследований, проведенных в 1950–70-е годы устарело. Отсутствовали единые параметры, по которым можно оценивать, сравнивать и обобщать результаты анализа терминологии. Следовательно, в будущем необходимы повторные описания специальной лексики многих областей знания, основанные на применении единых параметров и методов описания.

Логические аспекты терминоведения. Возможно одним из перспективных, хотя и традиционных разделов терминоведения следует считать логическое направление, которое должно развиваться в направлении интеграции с психологическим (исследование представленности онтологических категорий в различных областях знания и степени их ассоциаций).

Недостаточно исследованы и **ассоциативные отношения**, которые могут быть использованы для инвентаризации процедурных знаний в интеллектуальных системах.

Прикладное направление. Прикладное направление терминологических исследований должно, прежде всего, заниматься регулированием развития специальной лексики как части языковой политики и языкового планирования. Языковое планирование, в особенности долгосрочное, должно быть основано на системном всестороннем анализе существующего состояния специальной лексики, а также наличествующих тенденций в прогнозировании развития языка и установления направлений и методов регулирования развития специальной лексики.

Практическая терминологическая работа как ключевая часть языковой политики предполагает системный подход, основанный на глубоком знании основных свойств специальной лексики. Существующий опыт упорядочения терминологии показывает, что это является трудной задачей. В то же время в терминоведении на основе сочетания теоретических исследований и практической работы уже разработаны некоторые принципы и практические приемы проектирования эффективных форм терминов и номенов.

Перечисленные здесь направления терминологических исследований, по мнению авторов, являются более перспективными и практически полезными, чем бесконечное непродуктивное рефлексирование над давно решенными проблемами.

Один из наиболее важных выводов из результатов уже проведенных исследований заключается в том, что ускорение процесса познания существенно зависит от уровня развития специальной лексики. Поэтому люди и правительства всех стран должны ясно понимать, что, делая усилия для ускорения развития своей специальной лексики, они создают условия для своего научного, промышленного и культурного прогресса.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гринев, С.В. (1993). *Введение в терминоведение*. Москва: Московский лицей.
2. Гринев-Гриневиц, С.В. & Сорокина, Э.А. (2021). К теоретическим и методологическим основам современного терминоведения. В *Концептуально-терминологическое пространство медицинского знания* (с. 21–28). Москва: Московский государственный медико-стоматологический университет.
3. Гринев-Гриневиц, С.В. & Сорокина, Э.А. (2018). Перспективные направления развития терминологических исследований. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 5, 18–28.
4. Гринев-Гриневиц, С.В. (2006). Очередные задачи отечественного терминоведения. *Научно-техническая терминология*, Вып.1, 3–6.
5. Гринев-Гриневиц, С.В. (2012). Терминоведение – прошлое, настоящее и будущее. *Вопросы терминоведения*, Вып. 1, 4–14.
6. Ивина, Л.В. (2003). *Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых термино-систем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования)*. Москва: Академический проект.
7. Лантюхова, Н.Н., Загоровская, О.В. & Литвинова, Т.А. (2013). Термин: определение понятия и его сущностные признаки. *Вестник Воронежского института ГПС МЧС России*, 1 (6), 42–45.
8. Мякшин, К.А. (2009). Разнообразие подходов к определению понятия «термин». *Альманах современной науки и образования*, 8 (27), часть 2, 109–111.
9. Таранова, Е.Н. (2011). Проблематика современного теоретического терминоведения, достижения и недостатки терминологических исследований. *Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 24 (119), Выпуск 12, 142–149.
10. Шелов, С.Д. (1982). О языковой природе термина. *Научно-техническая информация*, Сер.2, Вып. 9, 1–6.
11. Gaida, S. (1990). *Wprowadzenie do teorii terminu*. Opole.
12. Ipsen, G. (1924). Der alte Orient und die Indogermanen. *Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft / Festschrift für W. Streiberg* (pp. 200–237). Heidelberg: Winter.
13. Trzebinski, J. (1981). *Tworczosc a struktura pojec*. Warszawa.
14. Węsierska-Kwiecień, A. (2019). *Anthropolinguistic study of the semantic field “work”* [Manuscript]. Suwalki, PWSZ.
15. Witkowska, K. (2019). *Analiza antropolingwistyczna pola semantycznego „sensitive / wrażliwy”* [Manuscript]. Suwalki, PWSZ.

Sergej Grinev-Grinevich
Elvira Sorokina

CONCERNING PROBLEMS OF THE MODERN TERMINOLOGY SCIENCE

The main problems of modern terminology science are being discussed. It is pointed out that due to various global processes (social, political, informational, economical, intercultural, migrational, etc.) and the number of quality terminological literature drastically dropped there is no methodical coordination of terminological research. The authors suggest a number of promising directions of typological studies of national, branch and specialised terminologies alongside with comparative interdisciplinary and multilingual analyses of special languages.

Key words: term, terminology science, typological terminology science, comparative terminology science, promising directions of research.

REFERENCES

1. Gaida, S. (1990). *Wprowadzenie do teorii terminum*. Opole (in Pol.).
2. Grinev, S.V. (1993). *Vvedenie v terminovedenie*. Moscow: Moskovskij licej (in Russ.).
3. Grinev-Grinevich, S.V. & Sorokina, E.A. (2018). Perspektivnye napravleniya razvitiya terminologicheskikh issledovanij. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 5, 18–28 (in Russ.).
4. Grinev-Grinevich, S.V. & Sorokina, E.A. (2021). K teoreticheskim i metodologicheskim osnovam sovremennogo terminovedeniya. In *Konceptual'no-terminologicheskoe prostranstvo medicinskogo znaniya* (pp. 21–28). Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj mediko-stomatologicheskij universitet (in Russ.).
5. Grinev-Grinevich, S.V. (2006). Ocherednye zadachi otechestvennogo terminovedeniya. *Nauchno-tekhnicheskaya terminologiya*, Issue 1, 3–6 (in Russ.).
6. Grinev-Grinevich, S.V. (2012). Terminovedenie – proshloe, nastoyashchee i budushchee. *Voprosy terminovedeniya*, Issue 1, 4–14 (in Russ.).
7. Ipsen, G. (1924). Der alte Orient und die Indogermanen. In *Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft. Festschrift für W. Streitberg* (pp. 200–237). Heidelberg (in Ger.).
8. Ivina, L.V. (2003). *Lingvo-kognitivnye osnovy analiza otraslevykh terminosistem (na primere angloyazychnoi terminologii venchurnogo finansirovaniya)*. Moscow: Akademicheskij proekt (In Russ.).
9. Lantyukhova, N.N., Zagorovskaya, O.V. & Litvinova, T.A. (2013). Termin: opredelenie ponyatiya i ego sushchnostnye priznaki. *Vestnik Voronezhskogo instituta GPS MCHS Rossii*, 1(6), 42–45 (in Russ.).
10. Myakshin, K.A. (2009). Raznoobrazie podhodov k opredeleniyu ponyatiya «termin». *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*, 8 (27), Part 2, 109–111 (in Russ.).
11. Shelov, S.D. (1982). O yazykovej prirode termina. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya*, Ser. 2, Issue 9, 1–6 (in Russ.).
12. Taranova, E.N. (2011). Problematika sovremennogo teoreticheskogo terminovedeniya, dostizheniya i nedostatki terminologicheskikh issledovanij. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 24 (119), Issue 12, 142–149 (in Russ.).
13. Trzebinski, J. (1981). *Tworczosc a struktura pojęć*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe (in Pol.).
14. Węsierska-Kwiecień, A. (2019). *Anthropolinguistic study of the semantic field “work”* [Manuscript]. Suwalki, PWSZ (in Eng.).
15. Witkowska, K. (2019). *Analiza antropolingwistyczna pola semantycznego „sensitive / wrażliwy”* [Manuscript]. Suwalki, PWSZ. (in Pol.).